

В августе 41-го

ИВАН
КОШКИН

**КОГДА
ГОРЕЛА БРОНЯ**

В августе 41-го

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=рус)6-44
К76

Кошкин, Иван.

К76 Когда горела броня / Иван Кошкин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 320 с. — (28 панфиловцев. Кинопреьера года!).

ISBN 978-5-699-91979-6

Август 1941 года. Разгромленная в приграничных боях Красная Армия откатывается на восток. Пытаясь восстановить положение, советское командование наносит контрудары по прорвавшимся немецким войскам. Эти отчаянные, плохо подготовленные атаки редко достигали поставленной цели — враг был слишком опытен и силен. Но дивизии, сгоревшие летом 41-го в огне самоубийственных контрнаступлений, выиграли для страны самое главное, самое дорогое на войне — время...

Эта горькая и светлая повесть — о мужестве обреченных. О тех, кто стоял насмерть, не думая о славе и наградах. Кто погибал, но не сдавался. Кто сражался за Родину — и спас ее ценой собственной жизни.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=рус)6-44

ISBN 978-5-699-91979-6

© Кошкин И., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

*Светлой памяти моих дедов:
Вячеслава Тихоновича Кошкина
и Бориса Михайловича сон
посвящаю*

*Автор глубоко признателен
А. Исаеву, М. Денисову, К. Федченко,
Д. Козыреву, В. Крестинину, А. Кошкину
за помощь, оказанную
при написании этой книги*

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

Глазами поколения 90-х

Война 1941—1945 гг. остается для нашей страны самым значительным событием новейшей истории. Через нее прошли десятки миллионов наших сограждан, и не было семьи, в которой эта трагедия не оставила бы свой страшный след. В послевоенное время заметки военного корреспондента и написанные при свете лампы из смятой гильзы фронтовые дневники создали целый пласт художественной литературы. Классикой жанра стали книги К. Симонова, Ю. Бондарева, Б. Васильева, В. Курочкина и других писателей-фронтовиков. С ними жили и на них воспитывались целые поколения.

Но за последние двадцать лет мир сильно изменился. Распался Советский Союз, прекратила свое существование Коммунистическая партия. Многие вещи, казавшиеся поколению фронтовиков аксиомами, стали в новое время теоремами. Время, в котором они писали свои книги, ушло в прошлое вместе с цензурой и штампами советской эпохи. Поэтому как туманные намеки, эзопов язык, так и однозначно положительные образы героев произведений того периода кажутся нам сегодня наивными.

Тот, кто не воевал, не может рассказать о войне, опираясь на личные впечатления и вспоминая пережитое на фронте. Однако это не означает, что нашему поколению, чья юность пришлась на начало 90-х, нечего

сказать о Великой Отечественной. И сейчас писатель может создать достоверные образы людей того времени, описать события, происходившие шестьдесят с лишним лет назад. Груз личных впечатлений и сложившихся под влиянием своего, часто ограниченного опыта, стереотипов не давит на автора повествования. Человек нашего времени может глубже проникнуть в сущность сражения, которое казалось рядовым участникам страшным, бессмысленным механизмом, перемалывающим как отдельных людей, так и целые дивизии и корпуса. Хаотичные перемещения, изнурительные марши, на которые можно теперь взглянуть сверху, словно со спутника, складываются в сложный, но логически понятный процесс столкновения миллионных армий. Такой подход позволяет создать цельный образ событий, отследить реальное воздействие на противника ударов частей, в которых сражаются главные герои.

Ивану Кошкину удалось создать сюжет, воспроизводящий этот эффект удара в ближайшего противника, который сказывается в десятках километров от описываемых событий. Спасители атакуют, не ведая, чем обернется их наступление. Спасенные этим ударом не подозревают, кому обязаны жизнью.

Еще одной приметой взгляда нового поколения на войну является описание тем, табуированных советской цензурой. Работа тыла, работа Особого отдела, политическая работа, влияние коммунистической идеологии показаны Иваном Кошкиным без казенных штампов и кукишей в кармане с одной стороны и без перестроечного экстаза яростного срывания покровов — с другой. Этот момент, несомненно, стоит отнести к удачам автора, удержавшегося от соблазна сделать художественное произведение оружием политической борьбы. Перед нами портрет или, если угодно, пейзаж, а не агитационный плакат.

Как военный историк должен сразу сказать, что не стоит искать прямых аналогий с документально подтвержденными событиями 1941 года в действиях, описанных в книге 328-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса и батальона танковой дивизии. Более того, Кошкиным сознательно выбраны номера соеди-

нений, исключаящие любые аналогии с реально действовавшими на описанном направлении войсками. Образы командиров и рядовых созданы автором с пониманием психологии человека 1940-х годов, но без прямых аналогий среди известных исторических личностей. Кошкин просто сознательно поместил созданных им персонажей в центр грохочущей машины вторжения и дал им почувствовать горечь поражения, радость первого маленького триумфа и тепло блеснувшей пока еще слабой надежды.

Год 1941-й остается для России одним из самых тяжелых воспоминаний. «Когда горела броня» — это попытка понять, как командиры и рядовые бойцы 1941 года вынесли тяжесть неизвестности, сохранили уверенность в победе в отступлении, круговороте противоречивых приказов, маршей и не приносящих видимого результата атак.

*Старший лейтенант Петров,
29 августа 1941 года*

Эшелон вполз на станцию рано утром. Старший лейтенант Петров, спавший под своей «тридцатьчетверкой», почувствовал, что его трясут за плечо, и как-то сразу проснулся.

— Осторожно, товарищ старший лейтенант, о днище не ударьтесь.

Механик-водитель Осокин, призванный из МТС, выглядел куда младше своих девятнадцати лет. Щуплый, белобрысый, по-юношески нескладный, он, похоже, только в армии начал отъедаться. Ремень, перетягивавший комбинезон, был застегнут на последнюю дырку, да и ту пришлось проковыривать заново.

— Черт, холодно, — Петров, ежась, выполз из-под машины и несколько раз резко взмахнул руками, разгоняя кровь.

— Так август уже, — пожал плечами водитель. — Аккуратней махайте, товарищ старший лейтенант, а то об броню приложитесь.

— Осокин, Осокин, — покачал головой командир. — Ну чего ты такой рассудительный, а? Тебе сколько лет? Девятнадцать? Чего ж ты нас все нянчить норовишь?

— А я, сколько себя помню, кого-то нянчу, — спокойно ответил Осокин. — Нас у мамки с пап-

кой семеро, а я — старший. Давайте, я вам на руки полью.

Эшелон дернулся в последний раз и встал.

— У тебя что, и полотенце есть? — изумился старший лейтенант.

— Полотенце не полотенце, а тряпка чистая. Не рукавом же утираться.

Петров вытер лицо, застегнул комбинезон и посмотрел на небо:

— Вася, ты у нас деревенский, глянь, как, по-твоему, день ясный будет?

— А чего глядеть-то, — хмурый Осокин забрал у старшего лейтенанта тряпку. — До вечера ни облачка, вот увидите.

Командир тоскливо выругался.

— Ну, тогда, Васенька, держись.

— Бомбить будут?

— «Будут» — это не то слово.

Командир посмотрел по сторонам. Станция была забита составами. На соседних путях стояли платформы со станками и каким-то оборудованием, где-то недалеко, судя по командам и мату, разгружали эшелон с боеприпасами.

— Ты, главное, вот что запомни хорошенько. Нашей коробке только прямое попадание страшно.

— А если попадут, то что?

— А ничего. Ты даже почувствовать ничего не успеешь. Главное — не паникуй. Бояться можешь, хоть обделайся, паниковать нельзя. Чуть голову потерял — все, пиши пропало. Ладно, сам увидишь.

— Командиры рот — к командиру батальона!

Команда прокатилась по эшелону, передаваемая хриплыми, заспанными голосами от вагона к вагону. Танкисты выпрыгивали из теплушек и бежали вдоль состава к своим платформам.

— Товарищ старший лейтенант! Сержант Безуглый явился в распоряжение для безукоризненного несения боевой службы! По дороге мною был замечен красноармеец Симаков в состоянии, порочащем гордое звание советского танкиста, то есть спящим! Предлагаю за недостойное поведение повесить его на пушке.

— Клоуны, где вас черти носят? — рявкнул Петров, чувствуя, как, помимо воли, рот расплывается в улыбке.

Стрелок-радист сержант Александр Безуглый был родом из Москвы и, помимо основных своих обязанностей, гордо нес звание батальонного шута. Он мог безостановочно сыпать анекдотами, остротами, прибаутками и при этом никогда не повторялся. Высоковатый для танкиста, крепкий, спортивный, он великолепно знал радиостанцию, за что и был назначен на танк командира роты.

У Петрова была всего неделя, чтобы познакомиться с экипажем, дивизия переформировывалась в спешке. Часть машин и танкистов прибыли с пополнением, других собрали из разбитых частей. Но ему повезло: что Осокин, что Безуглый, что молчаливый волжанин Симаков оказались людьми надежными и знающими. Когда по дороге на фронт на эшелон налетели «мессеры», водитель и радист, не дожидаясь команды, сняли курсовой пулемет и азартно лупили по ходившим вдоль состава истребителям. Пока командир и башнер снимали спаренный ДТ, немцы улетели. Петров сунулся было выразить благодарность находчивому радисту и осекся — уж больно недобрым было застывшее лицо стрелка. Проводив взглядом уходившие на брющем «мессеры», Александр сплюнул и молча полез ставить пулемет обратно. В первый месяц войны танкисты,

оставшиеся без танков, нередко продолжали драться вместе с пехотой, пока не вышел приказ отправлять их в тыл для формирования новых частей. Петров сам отшагал с какой-то отступавшей дивизией две недели с ДТ на плече, пришлось повоевать пешком и Александру. Оба насмотрелись на картины разгрома и горя, но при этом не сломались, а стали теми битыми, за которых в России с давних пор было принято давать двух, а то и трех небитых.

— Товарищ старший лейтенант, к комбату опоздаете, — заметил Осокин. — Нехорошо последним являться.

— Ладно, смотрите тут, сейчас разгрузка. Готовьтесь, в общем.

Петров спрыгнул с платформы и побежал к голове состава.

— Хорошим галопом идет командир. Я бы даже сказал — карьером, — одобрительно кивнул Безуглый. — Ладно, товарищи танкисты, команду все слышали. Расчехляем нашу бандуру.

Петров все-таки успел. Комбат и комиссар стояли возле третьей платформы, на которой покоился КВ комбата. Командир батальона майор Шелепин совершенно не походил на образцового командира, каким его изображали плакаты и фильм «Трактористы». Маленький, полноватый, с круглым плоским лицом, он был похож, скорее, на доброго детского врача. Тем не менее Петров был уверен, что лучшего командира у него еще не было — майор знал и любил свое дело. Кроме того, он умел работать с людьми. При формировании батальона он лично пересмотрел характеристики своих командиров, поговорил с каждым из них, обошел все машины и побеседовал с танкистами. Уже знакомясь со своей ротой, Петров об-

наружил, что в каждом из вновь сформированных экипажей есть один-два успевших повоевать танкиста. Сам Шелепин попал на фронт из 1-го Ульяновского танкового имени Ленина училища, где был преподавателем. До училища комбат служил на Дальнем Востоке и имел орден Красного Знамени за бой у Баин Цагана.

— Старший лейтенант Петров... — начал было с ходу докладывать комроты.

— Вольно, — остановил его комбат. — Иван Сергеевич, времени мало, будем, что называется, без чинов.

Это была еще одна особенность Шелепина — если не надо было торопиться, он всегда обращался к подчиненным по имени-отчеству.

— Иванов и Бурцев задерживаются, — заметил комиссар.

В этот момент подбежал комроты-2 лейтенант Бурцев, почти сразу за ним, придерживая на бегу полевую сумку, явился командир третьей роты Иванов.

— Долго спать изволите, товарищи, — едко заметил комбат. — Ладно, на будущее учтите, здесь не тыл, оборачиваться нужно быстро. В идеале вы должны прибыть еще до того, как я закончу отдавать приказание.

Лейтенанты виновато потупились.

— В общем, положение следующее: дивизия двигается к фронту двумя десятками эшелонов, мы, получается, авангард. Наша задача — проследовать на западную окраину города Н***. Там будем ждать дальнейших приказаний. — Комбат почесал плохо выбритый подбородок. — Но это, так сказать, общая линия. Сейчас нам нужно разгрузиться. Пандуса здесь, естественно, нет, поэтому будем мастерить съезды сами. Слева у нас эшелон, сгружаемся направо. Для изготовления

мостков использовать запасные шпалы, бревна и рельсы, местное начальство нам должно помочь. Если не поможет — вон штабеля, разберем сами.

Командиры рот дружно посмотрели на штабеля и кивнули, соглашаясь с тем, что разобрать их — раз плюнуть.

— И вот что, товарищи танкисты. Станцию, судя по всему, бомбят регулярно, вон, до сих пор что-то горит. Сегодня прилетят обязательно, погода способствует. Так что работать нужно быстро, а то устроят нам тут последний день Помпеи, как на картине художника Брюллова.

— Сколько съездов делать, товарищ майор? — спросил Петров.

— У нас двадцать две машины, четырех должно хватить. Михаил Владимирович, — обратился майор к комиссару. — У меня к вам просьба. Найдите начальника станции, и притащите его сюда. Воздействуйте своим комиссарским авторитетом. Нам нужен хороший машинист, который сможет подавать состав по платформе к съездам. Этот, боюсь, не справится. Объясните ситуацию. Станки, эвакуирующиеся — это все очень хорошо, но у нас тут двадцать два танка, а танки сейчас на фронте на вес золота. Если я потеряю по его вине хоть одну машину...

— Думаю, не придется, — сказал комиссар. — Если не ошибаюсь, вон начальник, сюда идет.

Пожилой человек в кителе железнодорожника чуть не рысцой подбежал к командирам. На красном лице выделялись серые, мутные от недосыпа глаза, сивые усы были мокрыми от пота.

— Здравствуйте, товарищи. Я начальник станции. Арсеньев моя фамилия, Василий Евдокимович. Мы вас еще ночью ждали...

— Майор Шелепин, — комбат отдал честь, за-

тем крепко пожал черную от въевшегося масла ладонь железнодорожника. — Василий Евдокимович, давайте сразу к делу. Мы, как вы точно подметили, и без того опоздали. Поэтому с разгрузкой надо поспешить. Вы танки прежде разгружали?

— Приходилось, — кивнул начальник станции. — Как-то раз три эшелона у нас разгрузались, почитай, дивизия. Правда, до войны дело было.

— Прекрасно, — прервал его майор. — Нам нужны бревна или, лучше, шпалы, и скобы, для того чтобы оборудовать съезды. И люди в помощь.

— Шпалы найдутся, — ответил Василий Евдокимович. — Можете разбирать вон те штабеля. Людей у меня мало, но могу с командиром железнодорожного батальона поговорить, он кого-то пришлет.

— Поговорите, Василий Евдокимович, — понизил голос комбат. — Вас, я вижу, бомбят?

— Каждый день, — помрачнел Арсеньев. — Раньше нас «ястребки» прикрывали, но последние два дня только зенитками отбиваем. Вчера, вон, депо разбомбили, два паровоза, тридцать два вагона подвижного состава...

— Именно поэтому я должен закончить разгрузку как можно скорее. Мы нужны фронту, понимаете? Поэтому, будьте добры, обеспечьте нам лучшую паровозную бригаду. Лучшую.

— У меня плохих нет! — гордо ответил железнодорожник. — Будет вам бригада. Пришлю лучших...

Рев паровоза заглушил его слова. Эшелон со станками дернулся и, набирая скорость, двинулся на восток.

— Одной головной болью меньше, — начальник станции снял фуражку и вытер мокрый лоб. — Двое суток здесь проторчали, грузились. Вы не беспокойтесь, товарищи, спустим вас на землю в лучшем виде. Людей я сейчас пришлю.

— Идите, Василий Евдокимович. А наш комиссар вам поможет. Прошу вас, Михаил Владимирович, — кивнул Шелепин комиссару.

— Это не обязательно, — помрачнел начальник станции. — Сами справимся, или не доверяете?

— Не в доверии дело, — жестко ответил Шелепин. — Просто я должен быть уверен. Не обижайтесь.

— Батальонный комиссар Беляков, — комиссар протянул руку начальнику станции. — Вы, Василий Евдокимович, и впрямь не обижайтесь на него. Юра просто нервничает немного. — Он улыбнулся и энергично встряхнул руку начальника станции.

— Я, кстати, сам на железной дороге начинал, в двадцать шестом. Даже интересно, как все изменилось. Да и звезда, — он хлопнул себя по рукаву, — думаю, будет не лишней.

Железнодорожник коротко кивнул и в сопровождении комиссара зашагал к диспетчерской.

— Дипломат хренов... Ну что, товарищи, — комбат повернулся к командирам рот. — Задача ясна? Тогда за работу. Состав, судя по всему, будут подавать вперед, в хвосте у нас стрелка. Поднимайте экипажи и начинайте таскать шпалы. Съезды делать у первой, шестой, одиннадцатой и шестнадцатой платформ. Да, мой КВ — на третьей. Так что первый спуск сделайте усиленным. И вот еще что. Иван Сергеевич, это ведь твои орлы позавчера на «мессера» охотились?